

Георгий Евгеньевич
Львов

Получая в ночь со 2 на 3 марта 1917 года из рук Николая II манифест о его отречении, один из лидеров октябристов А.И. Гучков и монархист В.В. Шульгин, добились того, что последний император России поручил формирование нового правительства князю Г.Е. Львову. «Ах, Львов? Хорошо-Львова...», – сказал царь Гучкову и Шульгину с какой-то особой интонацией. Император хорошо знал Георгия Евгеньевича. Благосклонно к нему относилась и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Соглашаясь с кандидатурой князя на пост премьер-министра, Николай II, возможно, вспомнил письмо своей жены, императрицы Александры Фёдоровны, написанное ею в де-

кабре 1916 года своему венценосному супругу, где она, по сути, приказывала: «Распусти Думу сейчас же. Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь...».

На пути к либерализму

Родословная князей Львовых ведёт начало от легендарного конунга Рюрика. В числе предков Георгия Евгеньевича, где-то в 31 колене, был ярославский князь Фёдор, оказавший сопротивление золотоордынским сборщикам дани. Но к середине XIX-го столетия род Львовых оскудел. Когда было продано последнее из значительных подмосковных имений – Хорошавка, семья уехала в Дрезден, где в 1861 году родился будущий премьер-министр Временного правительства. Мать юного князя была дочерью мелкопоместного помещика Мосолова и в юности воспитывалась в знаменитой семье Раевских. От них она унаследовала прекрасное имение Поповка с усадьбой в Алексинском уезде Тульской губернии. Здесь и обосновались Львовы после возвращения из Дрездена. Детей в семье Львовых воспитывал отец, слышавший среди чиновников Палаты государственных имуществ в Туле, где он занимал место управляющего,

«вольнодумцем» и либералом. Их учили уважать людей независимо от места в социальной иерархии общества. Вместе с крестьянскими детьми они веселились около новогодней елки, катались на санках с горки, ходили в лес за грибами и ягодами. Вблизи Поповки пролегал тракт, по которому гнали в Сибирь каторжан, и эта картина навсегда осталась в памяти юного князя. Окончание Георгием гимназии совпало с продажей большей части имений Львовых, но и после этого оставался ещё долг в 80 тысяч рублей. Последней была

Львов с братом Сергеем

Братья Львовы: Владимир слева, Сергей в центре, Георгий справа.

заложена Поповка, которую удалось сохранить лишь благодаря предприимчивости старшего брата. Георгий взялся помогать ему в приведении в порядок оставшихся земель и восстановлении пошатнувшегося финансового положения семьи. Георгий штудировал сельскохозяйственную литературу и не гнушается «мужицкого труда» в поле и на фермах. Так он становится либеральным помещиком. За счёт расширения площадей, занятых плодово-ягодными культурами, он поднимает продуктивность хозяйства в Поповке и организует торговлю ягодами и фруктами в Москве. Было организовано производство яблочной пастилы и построены лесопильные мастерские, где изготавливали ящики для упаковки товаров. У него даже опилки и стружки шли в дело. Их спрессовывали и продавали. Затем в Подмоскowie он организовал скупку чугунного и железного лома, который потом с большой выгодой продавал металлообрабатывающим предприятиям. В Поповке он строит школу для крестьян, проводит водопровод, которым пользуется местное население. Были открыты для крестьян чайная и лавка. В 1886

году после окончания университета и получения диплома юриста Львов занял место неперменного члена Епифанского по крестьянским делам присутствия. Он стал «человеком на своём месте»: умел говорить с крестьянами, легко и просто разбирал их претензии на сходах. Не стремясь найти корни социальных конфликтов, он пытался, как мог, предотвратить их и добивался, чтобы стороны шли на мировую. Это миролюбие потом будет раздражать П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова, когда Львов займет пост премьер-министра во Временном правительстве. К 90-м годам XIX-го столетия окончательно сформировались политические взгляды князя, хотя слова «политика» он не любил и долгое время даже всячески отрицал саму возможность своей причастности к политической борьбе. Кто-то из современников окрестил его «прогрессивным монархическим народником». В 1891 году он вступил в должность неперменного члена губернского присутствия в Туле и стал заниматься кассационными делами по судебным решениям уездных съездов земских начальников. Он реально столкнулся с жизнью.

Известен случай, когда хорошо знавший Львовых, Л.Н. Толстой осенью 1893 года встретил Георгия, который сопровождал тульского губернатора, направляющегося с воинской командой на усмирение крестьян в Епифанском уезде. Благодаря вмешательству Львова дело закончилось мирно. Но когда власти предпочитали действовать силой, он протестовал, высказывал смелые и независимые суждения. Был даже случай, когда Георгий Евгеньевич пытался вступить за группу крестьян, жестоко наказанных земским начальником. Этот инцидент получил общественный резонанс за пределами Тульской губернии. Имя Львова стало упоминаться в ряду оппозиционно настроенных чиновников, что и послужило причиной его разрыва с земским начальством и, в конечном итоге, выхода в отставку.

Главным тормозом прогресса российского общества он считал царскую бюрократию, засилье чиновничества. Близкое знакомство с крестьянством позволило Львову увидеть в нём «талантливость, ловкость, здравый смысл, не лишённый хитрости и лукавства, трудолюбие...».

В 1900 году он побеждает на выборах в гласные Тульской земской управы и вскоре избирается на пост председателя Тульской земской управы. Благодаря его связям в министерстве внутренних дел в столице Львову удалось получить денежные средства на строительство в губернии новых дорог и осушение болот. Он стремится примирить земцев-«общественников» с окружением тульского губернатора. Но инициатива князя по благоустройству

губернии вызывала недоброжелательное отношение со стороны группировки дворянства. В связи с начавшейся русско-японской войной он добивается аудиенции у Николая II и получает его согласие на оказание земством помощи русским воинам. 5 мая 1904 года он с 360-ью уполномоченными от земства выехал в Манчжурию. Всё внимание прессы было буквально приковано к личности князя и к этому отряду. Он даже участвует в боях и берёт на себя командирские функции.

В конце 1904 года в Москву он вернулся героем. Ему было предложено вступить в Союз освобождения. Хотя он и принял предложение, но к программе новой организации остался безразличным. 6 июня 1905 года в числе 14 членов депутации от общеземского союза он был принят императором в Петергофе, но на этот раз приём был холодным: Николай II заявил, что он «скорее склоняется, чем отказывается созвать выборных от народа». В июле 1905 года Львов участвует в съезде земских и городских деятелей. Ему было 44 года, когда после опубликования царского манифеста 17 октября С.Ю. Витте предложил ему пост министра земледелия в своём новом кабинете. Но Львов и другие будущие деятели кадетской партии выдвинули ряд требований: созыв Учредительного собрания, полная политическая амнистия, осуществление свобод в стране. Но Сергей Юльевич не принял эти требования, и переговоры были прерваны.

Вскоре газеты причислили князя к кадетам. И когда он прибыл в Тулу, чтобы участвовать в выборах в первую Государственную думу, его обвинили в «левых» взглядах. И всё-таки он победил и прошёл от блока тульских кадетов и октябристов, хотя лидер конституционных демократов П.Н. Милюков называл его «сомнительным кадетом».

По воспоминаниям депутата князя В.А. Оболенского он заметил рядом с собой на депутатской скамье скромного на вид, несколько сутуловатого человека с коротко подстриженной каштановой бородкой в сером домашнем пиджаке. Этим человеком оказался Львов. По другую сторону от него сидел крестьянин в поддёвке, и Георгий Евгеньевич заботливо опекал его, объясняя происходящее на заседании. Став депутатом Госдумы, Львов как-то стушевался, в прениях не выступал, но при этом пользовался признанием среди депутатов. Он был вхож в дом П.А. Столыпина, и Пётр Аркадьевич благоволил к Львову. Георгий Евгеньевич был в числе тех немногих, кто отказался категорически подписывать в июле 1906 года Выборгское воззвание, ссылаясь при этом на бессмысленность по-

добного протеста. А когда П.А. Столыпин стал председателем Совета министров, он решил привлечь Львова и Шипова к участию в реорганизованном правительстве. Они выдвинули ряд требований и даже составили свой список членов коалиционного правительства. Условия их не были приняты, и кандидаты от общественности отказались от предложения Столыпина.

Потом Львов едет в США и в Канаду, где познакомился с положением переселенцев, в частности российских духоборцев. Он стремится добиться открытия помещения для общеземской организации в Москве. Но давший согласие Столыпин убит, а новый премьер В.Н. Коковцов отказал земцам. Львов добился приёма у премьера и потребовал разъяснений, но Коковцов заявил: «Вас нельзя никуда пускать. На практике вы всегда захватываете больше, чем вам разрешено. Вот, например, вы были допущены к помощи переселенцам... А вы рядом с этим выпустили книгу антиправительственного содержания». При этом, как рассказывал Львов, премьер в раздражении потряс в воздухе книгой «Примамурье». В годы Первой мировой войны, когда был создан Всероссийский земский союз, его главой избрали Львова. Война стала его звёздным часом. Он многое сделал, несмотря на рутину и косность бюрократии, в деле оказания помощи армии, закупая продовольствие и снаряжение, оказывал помощь беженцам. Воочию раскрывались его недюжинные организаторские способности, деловитость. Только в 1914 году Всероссийский земский союз передал 600 тысяч рублей больным и раненым воинам.

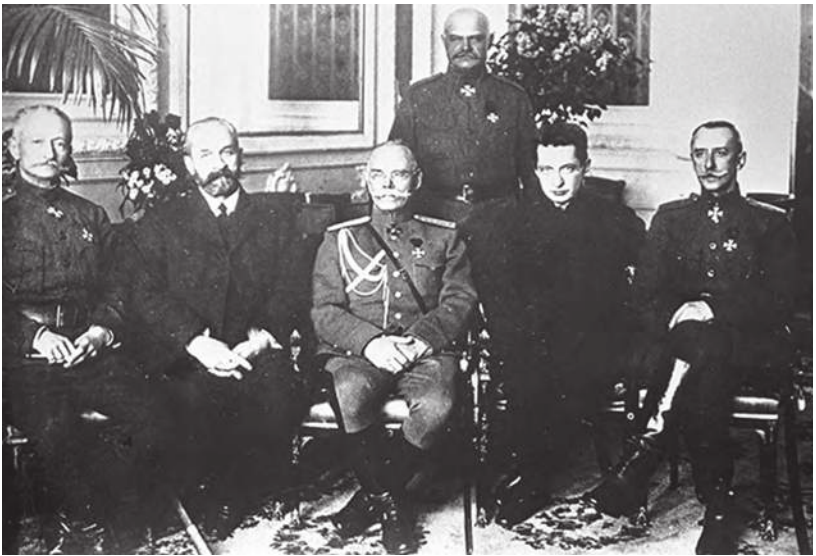
«НЕПРЕКАЕМО ВЪЕХАЛ НА ПЬЕДЕСТАЛ ПРЕМЬЕРА»

Львов с группой земцев

Эти слова принадлежат П.Н. Милюкову. На улицах Петрограда ещё шли бои с полицией, когда в Белом зале Таврического дворца заседал поспешно созданный Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Было решено, что правительство будет функционировать при конституционном монархе. В ходе этого заседания разгорелись споры о составе правительства. Кандидатура Львова на пост премьер-министра и министра внутренних дел была принята практически единогласно. Многим импонировали его личные качества – отсутствие дешёвой демагогии, амбициозности, крикливости. По сути он был внепартийным, хотя близко примыкал к кадетам. Он устраивал по сути всех: от монархистов до либералов. Но вскоре после выступления и бесед со Львовым многие почувствовали разочарование. Милюков позднее вспоминал: «Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких расплывчатых формах и отделялся общими фразами». А вот иностранные дипломаты смотрели на князя другими глазами. Генеральный консул США Джон Снодграсс писал в марте 1917 года в «Нью-Йорк таймс»: «Русский народ не мог найти нигде в своей стране людей, лучше подготовленных для того, чтобы вывести его из мрака тирании... Львов и его соратники значат для России то же, что Вашингтон и его сподвижники означали для Америки, когда она обрела независимость».

Некоторые исследователи выдвигают Львова на пост главы первого буржуазного правительства связывали позже с масонами. То, что Львов был масоном, указывает и Милюков. В России царили анархия, спекуляция, и Львову необходимо было срочно найти ту нить Ариадны, которая помогла бы выйти из сложного лабиринта проблем. Правительство тянуло с созывом Учредительного собрания, не решало аграрного вопроса, рабочего вопроса. Георгий Евгеньевич то «загорался какой-то лихорадочной энергией» и «какой-то верой в возможность устроить Россию», то остывал. По его словам «...кругом истерика, её врачевать надо, а не разжигать». Однако Львов не удержался на позиции врачевателя. Он старался обходить стороной социальные трения, произносил миротворческие речи. После первого кризиса правительства, Милюков, вышедший из его состава, имел беседу со Львовым, заявив ему, что у него теперь два пути: или последовательное проведение твёрдого курса, или коалиция с левыми силами и подчинение их программе с риском дальнейшего ослабления государственной власти. Львов был настроен в пользу второго решения.

Состав Временного правительства.
 Львов (второй слева) и Керенский (второй справа) с генералами

Временное правительство

5 мая был опубликован состав нового правительства, в котором шесть портфелей принадлежали теперь министрам – социалистам. Премьер-министром остался Львов. Ни надежд, ни энтузиазма, сопровождавших возникновение Временного правительства в марте 1917 года, у него теперь уже не было. Руководить коалиционным кабинетом ему оказалось не под силу. Князь стал раздражительным и нервным. Беседуя с генералом Куропаткиным, он заявил, что не ожидал, что революция зайдёт так далеко и по словам Львова: «Теперь мы как щепки носимся на её волнах». После событий в Петрограде, когда пролилась кровь и большевики предприняли попытку захватить власть, 7 июля 1917 года Г.Е. Львов подал в отставку. Т.И. Польнеру он сказал: «В сущности я ушёл потому, что мне ничего не оставалось делать. Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может».

На чужбине

После отставки он уехал в Москву, а потом удалился в Оптину пустынь. Но узнав о захвате власти большевиками, Львов был вынужден сменить имя, отпустить бороду и уехать в Сибирь. Поселился он в Тюмени, надеясь, что сюда власть большевиков не придёт. Но 28 февраля 1918 года он был арестован и заключён в тюрьму. Каждую минуту он ждал, что его «поставят у дров». Но Георгию Евгеньевичу удалось бежать из большевистского узилища, и он благополучно добрался до Омска. Здесь он скрывается до прихода белых. В начале октября 1918 года он тайно уехал в США, где встретился с президентом Вудро Вильсоном. Позднее он встречал-

ся и премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, прося, как и у Вильсона, денежные средства для борьбы с большевиками. В конце 1918 года Львов создаёт в Париже Русское политическое совещание, состоящее из послов бывшего Временного правительства. Оно стало центром белого движения и установило контакты с правительствами, созданными на территории России. А вот русскую делегацию на Версальскую конференцию бывшие союзники по Антанте так и не допустили. В апреле 1920 года Львов создаёт в Париже Бюро труда, помогая беженцам. А русские эмигранты не любили его, считали незадачливым правителем. Они срывали на нём зло. Теперь он жил уединённо, скорбя о России и ожидая падения большевиков.

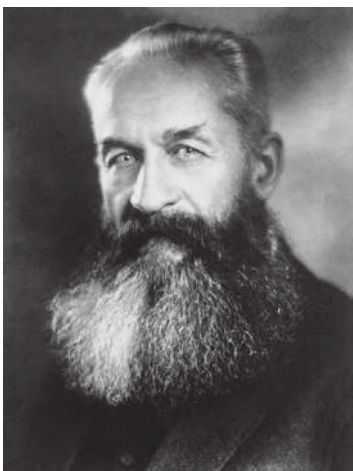
Берётся он и за перо, стараясь писать. Он создал прекрасную сказку «Мужики». В поисках общения с простыми людьми князь надевал синий рабочий костюм и уходил пешком из Парижа на фермы. Здесь он помогал хозяевам убирать урожай. И никто из них не ведал, что это за помощник. Он постоянно хлопотал за людей, а в свободное время мог часами шить кошельки, бумажники, портфельчики. Он научился печатать на пишущей машинке и приступил к написанию мемуаров. Правда, довёл их лишь до своего поступления в университет.

Жил он предельно скромно. В небольшой комнате стены украшали лишь литография «Оптина пустынь», а рядом с ней висел образ князя Фёдора Ярославского – потомка предка Львовых. Умер он 6 марта 1925 года. На его похоронах собрались лишь немногие из русских эмигрантов.

Масонский премьер-министр

К власти Г.Е. Львова привели масоны!

После свержения самодержавия в России Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко, созданный ещё 27 февраля 1917 года, когда на улицах Петрограда звучали выстрелы, в Белом зале Таврического дворца решал судьбу России. Быстро согласовывался состав будущего Временного правительства. На должность премьер-министра и министра внутренних дел без всяких проволочек утвердили Г.Е. Львова. Георгию Евгеньевичу шёл 56-й год. Большую известность князю Львову принесла резолюция в конце 1916 года, куда была включена его речь, которую он должен был произнести на съезде земцев. А слухи о возможном выдвижении Львова на пост премьер-министра повергли в ужас и

Львов в последние
годы жизни

Генерал М.В. Алексеев, Г.Е. Львов
и А.И. Гучков. Весна 1917 г.

неистовство саму императрицу Александру Фёдоровну, которая потребовала ссылки князя в Сибирь.

Вопрос о принадлежности Львова к масонам остаётся пока открытым. Но существуют косвенные улики того, что князь был связан с масонами. В 1907–1914 годах Львов вступил в контакт со многими политическими деятелями. Были среди них и левые либералы, среди которых было немало масонов. Американская исследовательница Н.Н. Берберова в книге «Люди и ложи» отмечает, что с 1907 года Георгий Евгеньевич был тесно связан с московской ложей «Возрождение», а с 1908 года – с ложей «Полярная звезда» в Петербурге. А после её «усыпления» – закрытия в 1910 году вошёл в ложу «Малая медведица», в которой, кстати, состоял и А.Ф. Керенский. Возможно здесь и познакомился Георгий Евгеньевич с Александром Фёдоровичем. Мог Львов входить и в состав масонской организации, «Великий Восток народов России», которая была тесно связана с масонскими организациями Франции. При этом масонство в основном зиждилось на гуманизме и терпимости, что, по сути, соответствовало политической и общественной позиции князя. Следует помнить ещё и о том, что в ложах весьма терпимо относились к политическим противникам, и любые прения протекали здесь не иначе, как в форме дружеских бесед. Даже лозунг масонов мирными средствами «бороться за освобождение России и укрепление этого освобождения» мог также привлечь Львова. А один из пунктов устава «Великого Востока народов России» чётко выделял

стремление к духовному совершенствованию человека и защите его гражданских прав при сохранении свободы политических действий. Всё это было созвучно взглядам Георгия Евгеньевича.

Позднее многие русские эмигранты также связывали принадлежность князя к масонам. Возможно, не стоит преувеличивать роли масонских организаций в политическом триумфе Львова, вероятно, но нельзя с порога и отрицать её.

Масонские организации вполне могли способствовать занятию своими братьями руководящих постов в государственном аппарате России и формировать таким образом общественное мнение. Член кадетской партии И.В. Массон пишет следующее: «По-видимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства... Милюков говорил: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа, чтобы отстоять кн. Г.Е. Львова против кандидатуры М.В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте. Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры Терещенко, как и Львова, скрывалось в их принадлежности к масонству».

Вот здесь парадокс заключается в том, что кандидатуру Львова на пост премьер-министра и министра внутренних дел Временного правительства отстоял никто другой, как П.Н. Милюков, хотя сам Пётр Николаевич никогда к масонам не принадлежал. За спиной Львова стоял и тогдашний английский посол сэръ Бьюкенен, который, по некоторым сведениям, тоже был масоном. Конечно, английская корона была заинтересована, чтобы во главе России встал опытный политик и, думается, за сэром Бьюкененом было не последнее слово.

На похоронах Львова присутствовали немногие из русских эмигрантов, проживающих в это время в Париже и в его окрестностях. Да и отношение к бывшему премьер-министру Временного правительства у белой эмиграции было враждебным. Она винила его во всех бедах. Провожали его в последний путь самые близкие и друзья. Некогда народник, а позднее эсер Н.В. Чайковский произнёс на могиле Георгия Евгеньевича произнёс надгробную речь, в которой отметил, что покойный олицетворял собой ту русскую общественность, которую можно понять лишь в «культурных странах». При этом Чайковский неоднократно в своей речи называл умершего не иначе как «брат наш». А это обращение было довольно распространено среди масонов. Советский историк А.Я. Аврех долгое время занимался проблемами

ИСКРЫ

№ 10

Иллюстрированный художественно-литературный журнал с карикатурами.

№ 10

Выходить ежемесячно при газете „Русские Сведенья“.

Подменная цена на годъ съ доставкой в Европу — 2 р. 50 к., на 2 года — 4 р. 50 к., на 3 года — 6 р. 50 к.

Содержание, по плану 1894 года, издается по распоряжению издателя Василия Ивановича Панаева.

Глава Временнаго Правительства.

Князь Георгій Евгеніевичъ Львовъ, председатель кабинета министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.

Мемориальная доска

масонства в России. Он считает, что Львов не был и не мог быть масоном. Он ссылается на воспоминания очень близких к князю людей. Среди них Т.И. Польшнер, хорошо знавший Львова. По словам Польшнера князь предстаёт перед нами глубоко религиозным человеком и даже думал об удалении во имя спасения души в Оптину пустынь. Как пишет Аврех, Георгий Евгеньевич «был по своим глубоким чувствам и настроениям антизападником, так сказать, мистическим русским. Масонство же было явлением чисто западным, и уже одного этого было бы достаточно, чтобы для Львова масонство стало абсолютно неприемлемым». Возражая маститому историку, следует отметить, что не стоит преувеличивать религиозность князя. Достаточно сказать, что поездки Львова в Оптину пустынь в критические моменты жизни не мешали ему затем довольно быстро возвращаться к бурной политической деятельности. Поэтому вряд ли можно считать религиозность Львова каким-то непреодолимым препятствием для его вступления в масонскую организацию.

По словам другого историка, одного из специалистов по событиям в февральские и октябрьские времена 1917 года, – В.И. Старцева, Верховный совет масонских организаций в России ставил цель «объединения оппозиционных царизму сил для свержения самодержавия и провозглашения в России демократической республики». А всё это было неприемлемо для Львова ввиду его монархических симпатий с целью, которую ставил Верховный совет масонства в стране. Оставим это на совести историка. Но некоторые источники свидетельствуют о том, что князь, по сути, не примыкал ни к какой партии, хотя был ближе по взглядам всего к конституционным демократам. Но интересен тот факт – и он сразу бросается в глаза – особое отношение князя к А.Ф. Керенскому. Это было похожее «на какое-то робкое заискивание». Когда Львов покидал на какое-то время Петроград, то он на время своего отъезда оставлял своим заместителем не кого-либо, а Керенского. Можно предположить, что, став секретарём масонского Верховного совета русских лож, Керенский имел какую-то власть над Львовым как рядовым масоном, хотя документально это не доказано.

К сожалению, находясь на посту премьер-министра, а затем министра-председателя Г.Е. Львов не сумел справиться, пустив по сути развитие страны на самотёк. Но, тем не менее, он был порядочным политиком и покинул свой пост, понимая что он «лишний».